

Алиса Клоц

Yulia Gradszkova. Soviet Politics of Emancipation of Ethnic Minority Women. New York: Springer, 2018. 196 pp. ISBN 978-3-319-99198-6.

Алиса Клоц, исторический факультет, Питтсбургский университет. Адрес для переписки: University of Pittsburgh, Department of History, 3702 Wesley W. Posvar Hall, Pittsburgh, PA 15260, USA. alissaklots@pitt.edu.

Несмотря на то, что история российской/советской имперской политики переживает настоящий бум, работ, обращающихся к ее гендерному измерению, пока очень немного, за исключением исследований советской кампании по освобождению женщин в Средней Азии (обзор литературы по теме: Engel 2014:53–55). Невнимание к другим гендерным аспектам имперской политики особенно озадачивает, если учитывать то значение, которое историки придают регулированию гендерного порядка в европейских колониальных империях. Монография Юлии Градсковой «Советская политика освобождения женщин национальных меньшинств» – одна из немногих попыток использовать гендерную оптику для анализа советской национальной политики.

В качестве кейса Градскова выбрала политику в отношении женщин-«националок» в Поволжье и на Урале (татарок, башкирок и мариек) в раннесоветский период. Такой выбор, с одной стороны, позволяет продолжить дискуссию о месте мусульманок в советском обществе, а с другой – сместить фокус исследования с периферийных территорий, населенных преимущественно мусульманами, на регион со смешанным населением, уже несколько веков к тому моменту находившимся под контролем имперского центра. Градскова начинает с деконструкции советского нарратива о безвольных угнетенных женщинах «коренных народов», получивших освобождение лишь благодаря большевикам. Опираясь на работы историков дореволюционного национального движения, она убедительно показывает, что мусульманки и мусульмане (прежде всего сторонники джадидизма – движения за обновление ислама) активно выступали за улучшение положения женщин. Национальное движение становилось все более радикальным, особенно после Февральской революции. Участницы и участники многочисленных конгрессов выступали за право женщин на образование и участие в политической жизни, критиковали «отсталые» традиции (такие как похищение невест), подчеркивали роль матерей в воспитании детей – будущего нации. После Октябрьской революции часть активистов национальных движений эмигрировала, другие же поддержали большевиков, решив, что новый режим может создать условия для национального возрождения.

Большевики активно приступили к «освобождению» женщин-«националок». Анализируя советские пропагандистские публикации и фильмы, Градскова показывает, что представления большевиков о мусульманках и других представительницах «коренных народов» мало чем отличались от общеевропейского нарратива об отсталых, угнетенных женщинах Востока. Женщины представляли жертвами царского империализма, капитализма и религиозного фанатизма. Под освобо-

ждением понималось прежде всего принятие «современного» образа жизни: отказ от традиционной одежды в пользу европейского костюма, рационализация быта в соответствии с современными представлениями о гигиене, перестройка отношений внутри семьи в соответствии с советским законодательством. Несмотря на эксплицитный антиколониальный пафос советской пропаганды, она постоянно воспроизводила ориенталистские тропы. Центральной была дихотомия между отсталыми «восточницами» и современными европейскими (русскими/славянскими) женщинами.

Именно последние составляли активистский костяк Комиссии по улучшению труда и быта женщин, призванной проводить в жизнь программу по освобождению «националок» (комиссия существовала с 1926 по 1932 год). Сначала главной задачей комиссии была помощь «националкам». Как и какую именно помощь нужно было оказывать, активистки должны были решить, опираясь на научные данные о коренных народах. При этом «националки» требовали особого, научного подхода, тогда как проблемы русских женщин представлялись очевидными. Активистки разрабатывали программы по повышению грамотности мусульманок, учили их вести домашнее хозяйство, а также помогали решить конкретные проблемы: устроиться в общежитие, найти работу, получить стипендию. В таких случаях статус «националки» давал пусть ограниченные, но привилегии. Особое внимание уделялось традиционным ремеслам, которые при рационализации и модернизации могли стать базой для экономической независимости «националок». С началом индустриализации, однако, фокус сместился на мобилизацию женщин на производство, а другие программы помощи постепенно сворачивались. В целом влияние активисток на жизнь местных женщин было ограниченным, так как комиссии на местах не обладали достаточными ресурсами, а местные власти предпочитали игнорировать их деятельность.

История освобождения «националок» покажется очень знакомой исследователям и исследовательницам советской политики в отношении женщин в целом и в отношении мусульманок в частности. Что касается конкретных исторических «фактов», то монография Градской скорее добавляет штрихи к картине, а не переписывает ее. Главным интеллектуальным продуктом в данном исследовании является попытка реконцептуализировать знакомый исторический нарратив. Градская обращается к деколониальной теории – интеллектуальному направлению, сторонники которого предлагают отказаться от идеалов модерности, так как эти идеалы европоцентричны и колониальны по своей сути. В качестве альтернативы колониальной модерности, на основе которой невозможно построить справедливый миропорядок, деколониалисты предлагают индигенное знание коренных народов периферийных регионов, в первую очередь – Латинской Америки. Практическими примерами реализации принципов деколониальности они считают различные автономистские движения коренных народов, такие как движение сапатистов в Мексике.

Градская рассматривает большевистскую кампанию по освобождению «националок» как один из вариантов принуждения к модерности в рамках колониальных империй. Несмотря на схожесть с подобными модернистскими проектами

в Турции, Иране и Афганистане, советская кампания по освобождению проводилась из имперского центра руками европейских (русских/славянских) активисток. Придя к власти, большевики, как и подобает колониалистам, уничтожили местное национальное движение, кооптировав лишь незначительную его часть. Несмотря на некоторые отличия, советская модерность была такой же колониальной, как и европейская. Именно поэтому, например, информация о советских успехах по освобождению женщин Востока хорошо воспринималась западной аудиторией (или по крайней мере той ее частью, которая читала воспоминания соотечественников о поездках в СССР). Только после распада советской системы стало возможным национальное возрождение коренных народов России и бывших союзных республик. Тогда же пришло и осмысление советского опыта как колониального.

Использование теоретического аппарата, разработанного на материалах европейских империй, позволяет Градсковой вписать советскую историю в глобальную дискуссию о колониализме и его наследии. Так, например, мне кажется удачным обращение к концепции расизма без расы Давида Тео Гольдберга. Критика западного расизма и картины гармоничного будущего советских национальностей делали расизм в советской стране невидимым. При этом различия обосновывались разницей культур, которые в свою очередь делились на прогрессивные и отсталые, создавая иерархии народов без биологизации различий. Однако в целом использование деколониальной теории вызывает у меня вопросы.

Мой первый вопрос касается концептуализации советской национальной политики как колониальной. У меня не вызывает сомнения, что построение социализма было одним из вариантов пути к модерности. Я также согласна с тем, что колониализм лежит в основе современного миропорядка. При всем этом советская империя значительно отличалась от современных ей европейских колониальных империй (тут стоит отметить, что авторка не делает различий между колониализмом и империализмом: понятия «колониальный» и «имперский» используются как синонимы). Градскова в принципе упоминает эти различия: большее внимание к голосам коренного населения, вовлечение активистов национальных движений в проект создания нового общества, антиколониальная риторика, предлагавшая «национальным меньшинствам» язык для отстаивания своих прав. Однако общие формы угнетения для Градсковой важнее различий. Под угнетением она понимает запрет дореволюционных национальных организаций и прессы, репрессии в отношении «буржуазных националистов». В целом Градскова строит свой анализ на жесткой дихотомии угнетателя и угнетенного, колонизатора и колонизируемого. Но что делать с татарками, башкирками и марийками, которые являлись активистками Комиссии по улучшению труда и быта женщин? Даже если они составляли меньшинство, разве они не были агентками советской модерности? Кроме того, в Советском Союзе отсутствовал один из фундаментальных элементов европейской колониальной системы: жесткое патрулирование биологической границы между колонизаторами и колонизируемыми. Тогда как англичане, французы, голландцы вкладывали неимоверные усилия в борьбу с «кровосмешением», большевики всячески поощряли смешанные браки.

Оперируя в рамках жесткой дихотомии «колонизатор – колонизируемый», Градскова как-то неожиданно приходит к идеализации досоветских и постсоветских национальных движений. «Неожиданно» – потому что деколониалисты вообще-то критически относятся к национализму как элементу колониальной модерности. Я совсем не хочу принижать заслуги, например, активисток дореволюционного татарского движения, но они представляли очень небольшую, относительно обеспеченную и образованную прослойку татарского населения (так же, как и представители других национальных движений того времени). И уж тем более мне кажется необходимым критически подходить к заявлениям о советском колониализме элит постсоветских национальных государств и республик. Градскова пишет о развитии образования и культуры на национальных языках в постсоветский период как о примере национального возрождения, тогда как расцвет национальной литературы, искусства, выдвижение представителей коренного населения на управленческие позиции (так называемая коренизация) 1920-х годов вообще не упоминаются. Без такого (хотя бы краткого) анализа коренизации совершенно непонятно, что привлекало бывших «буржуазных националистов» в советском режиме. Главное же, что Градскова попадает в ловушку, о которой писал еще Юрий Слезкин в 1990-е годы: любая попытка оценить то, хороша или плоха была большевистская политика для тех или иных национальностей, строится на вере в объективное существование национальностей с определенными интересами – вере, которую разделяли как «буржуазные националисты», так и большевики (Slezkine 1994). На самом же деле большевики сами активно занимались конструированием национальностей, во многом проделывая ту же работу, что и националисты по всему миру.

Небесспорным представляется, на мой взгляд, и анализ самой политики в отношении женщин коренных народов. Как отмечает Градскова, большевики оперировали понятиями «освобождение» и «права женщин»: незнание женщинами прав, которыми их наделило советское государство, было одной из главных проблем на пути их освобождения. Однако, как утверждает Градскова (вслед за теоретиком деколониализма Уолтером Миньолой), у колонизированных народов не было потребностей в тех правах, которыми их «наделяли» колонизаторы (с. 37, 159). И хотя Градскова достаточно осторожно замечает, что представления о «правах женщин» колонизаторов «не всегда» соответствовали представлениям колонизируемых, сам нарратив построен таким образом, что невозможно отделаться от ощущения, будто авторка отвергает эмансипаторный потенциал всей большевистской политики в отношении «националок». Например, советское законодательство о разводе характеризуется как вмешательство в семейную жизнь (с. 99), при этом патриархальное насилие внутри колонизируемых сообществ никак не рассматривается. Мы знаем из исследований по истории XIX века, что мусульманки активно просили помощи у имперского государства, когда не могли добиться развода традиционным путем (Crews 2009:143–191). Градскова упоминает тысячи уголовных дел о «бытовых преступлениях», которые ежегодно разбирались в Башкирии в 1920-е годы. Почему бы не посмотреть материалы по этим преступлениям? Тогда у авторки была бы какая-то эмпирическая база, на основании ко-

торой можно было бы сделать вывод о том, как башкирки относились к данным им советским государством правам.

В заключение не могу не сказать несколько слов об издательстве Springer. Любому тексту нужны редактор и корректор. Тексту, написанному не носителем языка, нужны очень внимательные и трудолюбивые редактор и корректор. Книгу трудно читать из-за тяжеловесности, русицизмов, грамматических ошибок и опечаток (на общем фоне выделяется 7-я глава – вероятно, по той причине, что текст уже раньше публиковался в качестве статьи в журнале *Region*, редакторы которого не поленились над ним поработать). Это ни в коем случае не претензия к Юлии Градскойой – она не обязана идеально писать на неродном для нее языке. А вот издательство, которое берет на себя публикацию монографии, обязано сделать ее читабельной.

Несмотря на высказанные мной замечания, книга может быть полезна как специалистам по гендерной истории, так и историкам национальных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Crews, Robert. 2009. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Engel, Barbara Alpern. 2014. "New Directions in Russian and Soviet Women's History." Pp. 38–60 in *Making Women's Histories: Beyond National Perspectives*, ed. by Pamela S. Nadell and Kate Haulman. New York: New York University Press.
- Slezkine, Yuri. 1994. "The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism." *Slavic Review* 53(2):414–452.